

18+

Амалия Цейлонская

ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ
ВАРВАРУ

Амалия Цейлонская

Предназначенная варвару

«Издательские решения»

Цейлонская А.

Предназначенная варвару / А. Цейлонская — «Издательские решения»,

Она — дочь разорившегося купца, привыкшая всё считать: золото, риски, удары сердца. Он — вождь степного клана, чьё имя заставляет дрожать имперские легионы. Их сделка проста: год брака в обмен на свободу от долгов. Когда враг подступает к границам, Каллисте придётся решить: остаться верной расчёту или рискнуть всем ради человека, который видит в ней не товар, а равную. О женщине, которая не боялась смотреть в глаза хищникам. И о мужчине, который ради неё научился быть уязвимым.

© Цейлонская А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Цена невесты	6
Глава 2. Шакал и волк	21
Глава 3. Чужая земля	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Предназначенная варвару

Амалия Цейлонская

© Амалия Цейлонская, 2026

ISBN 978-5-0071-0435-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Цена невесты

Запах денег — вот что Каллиста любила больше всего.

Не сами монеты — холодные, стёртые тысячами чужих пальцев, пропитанные потом и жадностью. А то, что стояло за ними. Власть. Свобода. Возможность смотреть в глаза любому мужчине в этом городе и знать: ты не обязана ему кланяться.

Рынок Асмарана гудел, как улей, в который ткнули палкой. Крики зазывал, скрип телег, ржание лошадей, звон монет о деревянные прилавки — всё сливалось в единый, оглушительный гул. Пахло пряностями с юга, сырой кожей, потом, жареным мясом и навозом. Каллиста шла сквозь эту какофонию, как нож сквозь масло, и толпа расступалась перед ней сама — то ли из-за дорогого платья цвета индиго, то ли из-за взгляда, которым она окидывала каждого встречного. Взгляда, который говорил: я знаю, сколько ты стоишь, и ты себе не представляешь, насколько дешево.

За ней поспевали двое: толстый, вечно потеющий счетовод Маркус с восковыми табличками под мышкой и охранник Герт — бывший легионер с лицом, на котором шрамов было больше, чем мыслей. Герт носил меч, но Каллиста платила ему не за меч. Она платила ему за молчание. И за то, чтобы он выглядел достаточно устрашающе, пока она разоряла купцов.

— Госпожа, — пропыхтел Маркус, перепрыгивая через лужу неясного происхождения, — может, всё-таки не надо? Торговая гильдия и так на нас косо смотрит после прошлого раза. Когда вы убедили красильщиков, что их индиго разбавлен, и сбили цену на сорок процентов...

— На сорок два, — поправила Каллиста, не оборачиваясь. — И если гильдия не умеет проверять качество товара, это их проблема, а не моя.

— Но они жаловались вашему отцу!

— Мой отец, — она остановилась так резко, что Маркус едва не врезался ей в спину, — последние пятнадцать лет только и делает, что слушает жалобы. Ещё одну он как-нибудь переживёт.

Она уже выбрала цель. Асгарский шёлк. Три прилавка, заваленных рулонами ткани, которая переливалась на солнце, как жидкое золото. За прилавком стоял купец — сухой, как вяленая рыба, с бегающими глазами и пальцами, униженными перстнями. Он сразу почуял опасность. Такие, как он, всегда чувствуют.

— Госпожа Каллиста, — он поклонился, слишком низко и слишком быстро. — Какая честь для моей скромной лавки. Желаете взглянуть на шёлк? Только сегодня прибыл из-за моря. Настоящий, высший сорт. Принцессы Империи носят такой.

— Принцессы Империи носят подделки, — отрезала Каллиста, беря в руки край рулона и поднося его к глазам. — А я ношу только настоящее. Но это, — она потёрла ткань между пальцами, — не настоящее.

Купец побледнел.

— Госпожа, я клянусь...

— Не клянись. Ты переплетаешь шёлковые нити с льняными. В соотношении примерно три к одному. На глаз не видно, на ощупь — едва заметно. Но если поджечь край — лён стгорит, а шёлк оплавится. Хочешь, проверим?

Она выдернула нитку и выразительно посмотрела на факел, горевший у соседнего прилавка. Купец открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я... я не знал...

— Знал. — Она бросила нитку на прилавок. — Но я не пойду в гильдию. Я просто заплачу тебе треть от твоей цены. За все три рулона. И ты скажешь мне спасибо.

— Треть?! — взвизгнул купец. — Но это грабёж!

— Грабёж — это продавать лён по цене шёлка, — она улыбнулась, и от этой улыбки даже Маркус попятился. — Треть. Или я иду в гильдию, и ты теряешь лицензию. Выбирай.

Купец выбирал ровно три секунды. Потом его плечи опустились.

— Треть, — выдавил он. — Будь ты проклята, женщина.

— Уже, — бросила она через плечо. — Маркус, оформляй. Герт, грузи.

Вот так. Чистая математика. В мире, где мужчины правили мечом и криком, Каллиста правила цифрами. И цифры никогда не ввали.

Она развернулась, чтобы идти дальше — и замерла.

На неё смотрели.

Он стоял в десяти шагах, на краю площади, и толпа обтекала его, как вода обтекает скалу. Огромный — на голову выше самого высокого мужчины в поле зрения. Плечи, которые не могли скрыть даже варварские меха, наброшенные поверх кожаного доспеха. Руки, сплошь покрытые шрамами — старыми, белыми, переплетающимися, как карта неведомых дорог. Лицо, словно вырубленное топором из тёмного дерева: тяжёлая челюсть, сломанный нос, глубоко посаженные глаза. И волосы — чёрные, с проседью, стянутые в хвост, спадающий на спину.

Варвар. Из кланов. Степняк.

Рядом с ним стояли ещё двое — такие же огромные, такие же покрытые шрамами и оружием. Но их Каллиста даже не заметила. Она видела только его. Потому что он смотрел на неё так, как не смотрел никто и никогда.

Не с вождением. Не с презрением. Не с жадностью.

С интересом. С острым, почти болезненным интересом, от которого у неё вдруг перехватило дыхание.

— Герт, — сказала она, не отводя взгляда от варвара. — Кто это?

Охранник проследил за её взглядом и побледнел. Человек, который десять лет рубился в легионах и не боялся ничего, побледнел.

— Это Яст, госпожа, — сказал он тихо. — Вождь клана Кхар-Тора.

— Яст, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Тот самый Яст, который разбил Двенадцатый легион при Красных Холмах?

— Тот самый.

— И что он делает на моём рынке?

Варвар — Яст — медленно, очень медленно улыбнулся. Это была не та улыбка, которой улыбаются на рынках. Так улыбается волк, нашедший след.

— Кажется, — сказал Герт, и голос его дрогнул, — он смотрит на вас, госпожа.

— Я вижу, что он смотрит, — отрезала она. — Вопрос: почему?

Ответ она получила раньше, чем ожидала.

Варвар двинулся к ней. Он не шёл — он скользил сквозь толпу, и люди расступались перед ним быстрее, чем перед ней. Через пять секунд он стоял прямо перед Каллистой, возвышаясь над ней, как башня над крепостной стеной. От него пахло кожей, дымом, степным ветром и чем-то ещё — диким, звериным, от чего у неё волосы на руках встали дыбом.

— Ты только что разрушила этого человека, — сказал он. Голос был низким, грудным, с лёгким акцентом — слова он выговаривал тщательно, как будто язык Империи не был для него родным. — За три рулона ткани.

— Он пытался меня обмануть, — ответила Каллиста, задирая голову, чтобы встретить его взгляд. Она не отступила ни на шаг. — Я всего лишь восстановила справедливость.

— Справедливость, — варвар попробовал слово на вкус, и его улыбка стала шире. — Красивое слово. У моего народа нет такого слова. У нас есть слово «долг». И слово «мечь». А «справедливость» — это то, что придумали слабые, чтобы оправдать свою слабость.

— Или то, что придумали умные, чтобы управлять сильными, — парировала она.

Он моргнул. Всего один раз. Но этого было достаточно, чтобы она поняла: он не ожидал такого ответа. И это ему понравилось.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Каллиста, дочь Ливия, главы торговой гильдии Асмарана.

— Каллиста, — повторил он. Её имя в его устах прозвучало иначе — тяжелее, гуще, опаснее. — Ты не боишься меня?

— А должна?

Она смотрела ему прямо в глаза. В упор. Без вызова, но и без страха. Просто констатировала факт: она не боится. И он это видел.

— Знаешь, что я сделал с Двенадцатым легионом? — спросил он тихо.

— Знаю. Ты разбил его втрое меньшими силами, потому что легат был идиотом и повёл солдат в степь без разведки. Ты обошёл их с фланга, зажал в овраге и расстрелял из луков. Это не магия. Это тактика. И если ты ждёшь, что я упаду в обморок от страха, ты ошибся адресом.

Повисла тишина. Даже рынок, кажется, затих, наблюдая за этим противостоянием. Огромный варвар и маленькая женщина в синем платье, стоящие друг напротив друга посреди толпы.

А потом Яст рассмеялся.

Это был странный смех — хриплый, лающий, непривычный, словно он сам забыл, когда смеялся в последний раз. Его воины позади переглянулись. Такого с их вождём не случалось.

— Ты стоишь больше, чем весь этот рынок, — сказал он, отсмеявшись. — Больше, чем весь этот город. Твой отец знает, какое сокровище у него есть?

— Мой отец, — холодно ответила Каллиста, — знает только цену. Никогда — ценность.

Она развернулась и пошла прочь. Спина прямая, шаг уверенный. Герт и Маркус поспешили за ней, на ходу подбирая отвисшие челюсти.

Яст смотрел ей вслед. Он смотрел, пока синее платье не растворилось в толпе. Смотрел, пока один из его воинов — Асгар, его казначей и правая рука — не кашлянул осторожно.

— Вождь?..

— Асгар, — сказал Яст, не оборачиваясь. — Узнай о ней всё. Всё. Кто её отец. Кому он должен. Какие у него враги. Какие слабости.

— Зачем, вождь?

Яст наконец повернулся. Его глаза — тёмные, глубокие, как степное небо перед грозой — горели тем самым огнём, который его воины научились распознавать за много лет. Огнём охоты.

— Потому что эта женщина, — сказал он медленно, — будет моей.

Три дня спустя Каллиста сидела в кабинете отца и смотрела на цифры, которые не складывались.

Нет, неправильно. Цифры складывались. Они складывались в катастрофу.

— Четыреста золотых, — произнесла она вслух, откладывая свиток. — Ты должен лорду Вейну четыреста золотых. Папа. Как?

Ливий, глава торговой гильдии Асмарана, сидел за своим столом — огромным, дубовым, заваленным бумагами — и выглядел так, словно хотел провалиться сквозь пол. Он был красивым мужчиной, когда-то. Теперь от бывлой красоты остались только седина в волосах, мешки под глазами и дрожащие руки, которые он тщетно пытался унять.

— Инвестиции, — пробормотал он. — Шёлковый путь. Я вложил всё в караван, который должен был пройти через степи...

— Через степи, которые контролирует Яст Кхар-Тора?

— У меня была договорённость! С его людьми! Они обещали охрану, я заплатил им вперёд, но потом...

— Потом что?

— Караван пропал, — выдохнул Ливий. — Вместе с товаром. Вместе с охраной. Вместе со всем. И теперь Вейн... он требует долг. Он дал мне месяц. Месяц, Каллиста.

— А если не вернёшь?

Ливий молчал. Слишком долго.

— Папа. Если не вернёшь — что?

— Он требует тебя.

В комнате стало очень тихо. Где-то за окном кричали чайки, скрипели телеги, звенели колокола храма. В кабинете же время застыло, как муха в янтаре.

— Меня? — голос Каллисты был спокойным. Слишком спокойным. — В качестве чего?

— В счёт долга. Он сказал... он сказал, что возьмёт тебя в жёны. И простит долг.

— В жёны, — повторила она. — Лорд Вейн. Которому шестьдесят три года. У которого уже есть три жены и четырнадцать детей. Который держит в подвале своего поместья пыточную камеру — да, папа, я знаю про пыточную камеру, весь город знает, — он хочет взять меня в жёны?

— Он хочет тебя, — тихо сказал Ливий. — С тех пор, как ты отказала ему в прошлом году. Ты унизила его перед всем советом, Каллиста. Ты сказала, что он финансово несостоятелен и его активы переоценены. При всех.

— Это была правда. Его активы действительно переоценены.

— Правда не имеет значения, когда речь идёт о мести. — Ливий потёр лицо ладонями. — Он дал мне денег специально, чтобы я попал в ловушку. Он знал, что караван пропадёт. Он всё подстроил. Вейн хочет не денег. Он хочет унижить меня. И тебя. Вместе.

Каллиста встала. Подошла к окну. Посмотрела на город, который знала как свои пять пальцев — каждый переулок, каждый склад, каждый счёт в каждой лавке. Город, в котором она была королевой, потому что цифры никогда ей не врал.

Цифры не врал и сейчас.

Четыреста золотых. Это в пять раз больше, чем стоило всё имущество её отца, включая дом. Это в десять раз больше, чем она могла бы собрать, продав все свои драгоценности. Это долг, который нельзя выплатить.

— У нас есть три недели, — сказала она наконец, не оборачиваясь. — Я что-нибудь придумаю.

— Каллиста...

— Я сказала — я что-нибудь придумаю.

Она вышла из кабинета, не оглядываясь. Прошла по коридору, спустилась по лестнице, пересекла внутренний двор. Остановилась только у фонтана, в центре которого стояла статуя какого-то забытого бога — кажется, покровителя торговли. Бронзовый человек с весами в одной руке и мечом в другой.

— Ну и что ты мне посоветуешь? — спросила она статую. — Весы или меч?

Статуя молчала. Бронзовые весы блестели на солнце.

— Я так и думала, — вздохнула Каллиста. — Вы, боги, никогда не отвечаете на сложные вопросы.

— Зато я отвечаю.

Она резко обернулась.

Он стоял в тени арки — огромный, неподвижный, как изваяние. Варвар. Яст. Вождь Кхар-Тора. В доме её отца. Во внутреннем дворе. Как будто имел на это право.

— Как ты сюда попал? — её голос был холоден, но сердце пропустило удар. От страха? Или от чего-то другого?

— Через ворота, — ответил он, пожимая плечами. — Твоя стража попыталась меня остановить. Я объяснил им, что это плохая идея. Они согласились.

— Что тебе нужно?

— Твой отец должен четыреста золотых лорду Вейну. Вейн требует тебя в уплату. Твой отец разорён. Ты пытаешься найти выход, но выхода нет. — Он говорил спокойно, будто перечислял цены на базаре. — Я знаю всё это, Каллиста, дочь Ливия. Потому что я велел узнать. И потому что это я сделал так, что караван твоего отца пропал.

Мир пошатнулся. У Каллисты на мгновение потемнело в глазах.

— Ты?..

— Нет, — он поднял руку, останавливая её ярость. — Не я. Мои люди, которые должны были охранять караван. Они предали меня. Они заключили сделку с Вейном. Вейн заплатил им, они исчезли вместе с товаром, оставив твоего отца должником. Я узнал об этом только вчера. И я пришёл, чтобы всё исправить.

— Исправить? — Она горько рассмеялась. — Как? Убьёшь Вейна?

— Я мог бы, — сказал он, и она поняла: это не угроза. Просто констатация факта. — Но это создаст проблемы. Вейн — магистр города. Империя пришлёт легионы. У меня нет желания снова с ними воевать. Пока нет.

— Тогда что?

Яст шагнул к ней. Один шаг. Она не отступила.

— Я выкупаю долг, — сказал он. — Четыреста золотых. Твой отец свободен. Вейн остаётся ни с чем. Ты не достаёшься никому.

— Взамен? — Каллиста скрестила руки на груди. Она была торговкой до мозга костей. Бесплатных сделок не бывает.

— Ты выйдешь за меня замуж.

Тишина.

— Что?

— Ты. Выйдешь. За меня. Замуж. — Он произнёс это медленно, отдельно, словно объяснял ребёнку основы арифметики. — На год. Один год. Ты живёшь со мной в степи, ты носишь моё имя, ты сидишь рядом со мной на советах клана. Через год, если захочешь уйти — ты уйдёшь. Долг прощён в любом случае.

— Зачем? — Она сузила глаза. — Зачем тебе жена на год? Ты можешь купить любую женщину. Можешь взять силой. Ты — Яст Кхар-Тора, тебя боятся легионы. Зачем тебе я?

Он улыбнулся. Медленно. Опасно.

— Потому что ты не боишься, — сказал он. — Ты единственная женщина в этом городе — нет, в этой Империи, — которая посмотрела мне в глаза и не отвела взгляд. Ты единственная, кто сказал мне правду. Ты стоишь больше, чем всё золото, которое я когда-либо держал в руках. И я хочу, чтобы ты была моей. Хотя бы на год.

— А если я откажусь?

— Тогда твой отец попадёт в долговую тюрьму. Вейн получит тебя. А я... — Он снова пожал плечами. — Я найду другой способ сделать его жизнь невыносимой. Но тебе это уже не поможет.

Каллиста смотрела на него. Долго. Внимательно. Её разум — холодный, математический, привыкший взвешивать риски и выгоды — работал с бешеной скоростью.

Четыреста золотых. Год жизни. Брак с варваром. Степь.

Альтернатива: Вейн. Его пыточная. Его постель. Его власть, против которой у неё нет оружия.

И всё же.

Всё же где-то в глубине её души — там, где цифры заканчивались и начиналась гордость, — что-то взбунтовалось. Она — Каллиста, дочь Ливия. Она сбивала цены втрое. Она разоряла купцов. Она не кланялась никому. И она не собиралась становиться разменной монетой — ни для Вейна, ни для этого варвара, каким бы... каким бы интересным он ни казался.

— Нет, — сказала она.

Яст моргнул. Этого он не ожидал.

— Нет?

— Нет. — Она расправила плечи. — Я не стану твоей женой. Ни на год, ни на день. Я не продаюсь, Яст Кхар-Тора. Ни за четыреста золотых, ни за четыре тысячи.

— Твой отец...

— Мой отец сам заварил эту кашу. Я люблю его, но я не собираюсь платить своими... — она запнулась, подбирая слово, — ...своей жизнью за его глупость. Я найду другой способ.

— Какой? — Он склонил голову набок, разглядывая её с новым интересом. — У тебя три недели. Четыреста золотых. Дом заложен. Активов нет. Вейн не примет отсрочку — я знаю его, он ждёт этого момента уже год. Как ты собираешься выкрутиться?

— Это уже моё дело.

Она развернулась и пошла прочь. На этот раз — быстрее, чем с рынка. Потому что внутри неё боролись два чувства: гордость от того, что она только что отказала человеку, которого

боялись легионы, и холодный, липкий страх от того, что она понятия не имела, что делать дальше.

— Каллиста! — окликнул он.

Она не обернулась.

— Я буду ждать, — донеслось ей вслед. — Когда ты поймёшь, что выхода нет — ты знаешь, где меня найти.

Она не ответила. Только быстрее зашагала к дому, чувствуя спиной его взгляд — тяжёлый, тёплый, неотрывный.

Она не спала всю ночь.

Сидела в своей комнате, разложив на столе все бумаги, которые только смогла найти. Счета. Векселя. Расписки. Долговые обязательства. Всё, что осталось от некогда процветающей торговой империи её отца.

Цифры не ввали. Они никогда не ввали.

К утру у неё было три плана.

План первый: продать дом. Самый очевидный. Дом в центре Асмарана, с внутренним двором, фонтаном и фамильной библиотекой, мог уйти за сто восемьдесят — двести золотых. Уже половина долга. Но... где тогда будет жить отец? Где будет жить она сама, если вернётся? И кто купит дом за такую сумму за три недели?

План второй: пойти к кредиторам. Отец был главой гильдии. У него остались друзья. Или хотя бы должники. Те, кому он когда-то помог. Те, кто обязан ему состоянием. Если собрать с них — хотя бы часть — можно наскрести недостающее.

План третий: пойти к самому Вейну. Торговаться. Предложить что-то другое. Что угодно. Только не себя.

В последнем она сомневалась больше всего.

На следующее утро она начала действовать.

Первым делом — кредиторы. Она надела своё лучшее платье, то самое, синее, с серебряной фибулой, и отправилась в торговый квартал. Герт, как всегда, следовал за ней тенью.

— Госпожа, — сказал он, когда они подходили к конторе менялы Гракха, — вы уверены? Гракх — старая крыса. Он не даст денег.

— Он должен моему отцу. Двадцать лет назад отец поручился за него перед гильдией. Без отца Гракх вообще не получил бы лицензию. Посмотрим, помнит ли он об этом.

Гракх помнил.

— Госпожа Каллиста, — он развёл руками, и его перстни блеснули в свете масляных ламп, — я всем сердцем сочувствую вашему положению. Но времена тяжёлые. Торговля падает. Налоги растут. Я никак не могу ссудить вам такую сумму.

— Вы не ссужаете, — отрезала она. — Вы возвращаете долг чести. Мой отец поручился за вас. Без него вас бы здесь не было.

— И я безмерно благодарен вашему отцу. — Гракх прижал руку к сердцу. — Но благодарность — это одно, а четыреста золотых — совсем другое. Я могу дать... двадцать. В знак уважения.

— Двадцать? — Каллиста прищурилась. — Вы заработали на отцовском поручительстве в десять раз больше. Двадцать — это оскорбление.

— Это всё, что я могу, — он улыбнулся, и в его улыбке она увидела то, что видела уже много раз за эти дни. Страх. Не перед ней — перед Вейном. Никто не хотел ссориться с магистром города.

Она взяла двадцать золотых и ушла.

Следующим был Корвин, торговец зерном. Потом — Марта, вдова суконщика, которой отец когда-то помог выкупить дело у конкурентов. Потом — ещё трое. К концу дня у неё было восемьдесят золотых и горький привкус на языке. Восемьдесят из четырёхсот. Пятая часть.

Никто не хотел помогать. Все боялись Вейна.

— Я найду остальное, — сказала она Герту вечером, когда они возвращались домой. — Завтра пойду к оценщикам. Дом стоит не меньше ста восьмидесяти. Может быть, двести.

— А где вы будете жить, госпожа?

— Сначала выберусь из долгов. О жилье подумаю потом.

Герт промолчал. Но в его молчании она услышала то, чего не говорили цифры: ты не выберешься.

Прошла неделя.

Дом никто не купил. Оценщик, присланный Вейном — а она не сомневалась, что это был человек Вейна, — оценил его в сто двадцать золотых. Вдвое ниже рыночной цены.

— Рынок недвижимости упал, — сказал оценщик, пряча глаза. — Сами понимаете.

Она понимала. Вейн душил её. Медленно. Методично. Как удав.

К концу второй недели у неё было сто сорок золотых. Чуть больше трети долга. Кредиторы закрывали двери перед её носом. Дом не продавался. Драгоценности, которые она всё-

таким отнесла ростовщику, ушли за бесценок — пятьдесят золотых за всё, что собиралось поколениями.

Отец пил. Раньше он никогда не пил.

— Прости меня, — повторял он каждый вечер, сидя в кресле с пустым взглядом. — Прости, прости, прости...

Каллиста не отвечала. Ей некогда было прощать. Она считала.

Две сотни золотых. Двести. Половина долга. И десять дней до срока.

На пятнадцатый день она проснулась от стука в дверь.

— Госпожа! — голос Маркуса был испуганным. — Госпожа, там... там человек лорда Вейна. Говорит, у него послание.

Она оделась быстро, спустилась вниз. В холле стоял секретарь Вейна — тощий, лысый, с крысиным лицом. Он держал в руках свиток с печатью магистрата.

— Госпожа Каллиста, — он поклонился, но в поклоне было больше насмешки, чем уважения. — Мой господин велел передать, что он восхищён вашей... настойчивостью. Однако он беспокоится о вашем здоровье. Вы так бледны в последнее время. Он не хотел бы, чтобы вы заболели до свадьбы.

— Свадьбы не будет, — отрезала она.

— Конечно-конечно. — Секретарь улыбнулся. — И тем не менее, мой господин решил проявить щедрость. Он продлевает срок выплаты. Ещё неделя. Вместо трёх недель — четыре. Разве это не великодушно?

Каллиста похолодела. Она слишком хорошо знала, что означает такое «великодушие». Вейн не помогал ей. Он играл. Он хотел, чтобы она измоталась, выдохлась, потеряла последнюю надежду. Чтобы пришла к нему сломленной — и благодарной за «милость».

— Передайте лорду Вейну, — сказала она ледяным голосом, — что я ценю его заботу. Но в отсрочке не нуждаюсь.

— Как угодно. — Секретарь снова поклонился и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Каллиста опустилась на ступени лестницы и впервые за всё это время закрыла лицо руками. Не для того, чтобы заплакать — она не плакала с детства. А для того, чтобы спрятаться от мира хотя бы на минуту.

Двести золотых. Половина.

У неё была неделя.

На двадцатый день, когда до изначального срока оставалось всего ничего, а до продлённого — чуть больше, Каллиста поняла, что проиграла.

Она исчерпала все варианты. Все связи. Все активы. Вейн перекрыл ей кислород — и сделал это виртуозно. Никто в городе не хотел иметь с ней дело. Даже те, кто когда-то был обязан её отцу.

Она стояла в своей комнате и смотрела на стол, где были разложены деньги. Двести двадцать три золотых. Всё, что она смогла собрать. Чуть больше половины.

И сто восемьдесят семь, которых у неё не было.

В дверь постучали.

— Войдите.

Это был Герт. Он мялся на пороге, и на его лице, покрытом шрамами, было странное выражение — смесь неловкости и решимости.

— Госпожа, — сказал он, — я тут подумал... у меня есть кое-какие сбережения. За десять лет службы. Не много, но... тридцать золотых. Может, пригодятся.

Каллиста уставилась на него. Герт. Её охранник. Человек, которому она платила жалование — и не такое уж большое. Он предлагал ей свои сбережения.

— Герт, — сказала она, и голос дрогнул помимо её воли, — я не могу взять твои деньги.

— Почему? Потому что я всего лишь охранник? — Он нахмурился. — Я служил вашему отцу десять лет. Вы — единственная, кто никогда не смотрела на меня как на грязь. Я не могу просто стоять и смотреть.

— Я... — она замолчала, подбирая слова. — Спасибо. Но этого всё равно не хватит. Не хватит, понимаешь? Тридцать золотых ничего не изменят.

— Может, у кого-то ещё есть. У Маркуса. У слуг. Если собрать...

— Нет. — Она покачала головой. — Я не буду собирать милостыню. Это унижительно.

— А идти к Вейну — не унижительно?

Она подняла на него глаза. В них что-то блеснуло — боль, гнев, отчаяние. Но только на миг. Через секунду они снова стали холодными и спокойными.

— Иди, Герт. Спасибо тебе. Но иди.

Он ушёл, а она осталась. Одна. С двумястами двадцатью тремя золотыми на столе и пустотой внутри.

Выхода не было.

На двадцать второй день, за двое суток до окончания продлённого Вейном срока, Каллиста приняла решение.

Она не пойдёт к Вейну. Не будет умолять. Не будет торговаться.

Она пойдёт к Ясту.

Это было самое трудное решение в её жизни. Труднее, чем спорить с купцами. Труднее, чем смотреть в глаза хищникам. Потому что там, на рынке и во дворе, она сказала ему «нет». Она отказала ему — гордо, резко, окончательно. Она хотела справиться сама.

И не справилась.

Она нашла его в той же таверне на окраине города, где, по слухам, он остановился. Яст сидел за грубо сколоченным столом, пил что-то из глиняной кружки и разговаривал со своими воинами. Когда она вошла — в дорожном плаще, с тёмными кругами под глазами, бледная как смерть — разговор оборвался.

— Оставьте нас, — сказал Яст, не отводя от неё глаз.

Воины вышли. Они остались вдвоём.

— Я ждал тебя, — сказал он.

— Я знаю.

Она села напротив. Положила руки на стол — не для того, чтобы он видел, как они дрожат, а чтобы они не дрожали.

— Ты была занята последние три недели, — продолжил он. — Продавала дом. Бегала к кредиторам. Заложила драгоценности. Я следил. Надеюсь, ты не в обиде.

— В обиде? — Она горько усмехнулась. — Я пришла просить тебя о помощи, варвар. Какая уж тут обида.

— Ты пришла принять моё предложение. Это не одно и то же, что просить.

— Для меня — одно и то же.

Она подняла на него глаза. Он смотрел на неё — всё с тем же интересом, что и в первый день на рынке. Но теперь в его взгляде было что-то ещё. Что-то, похожее на... гордость? За неё?

— Ты продержалась три недели, — сказал он. — Почти собрала половину долга. Обошла всех кредиторов. Пыталась продать дом. Ни одна женщина в этом городе не сделала бы и половины. Ты проиграла не потому, что была слаба. Ты проиграла, потому что Вейн — шакал, который играет грязно. Он перекрыл тебе воздух. Он использовал власть, которой у тебя нет. Это не поражение, Каллиста. Это... тактика. Ты просто оказалась на поле боя, где правила писала не ты.

— Мне не нужны твои утешения.

— Это не утешения. Это факты. Ты ведь любишь факты?

Она промолчала.

Яст поднялся. Обогнул стол и остановился перед ней — огромный, тёплый, пахнущий кожей и степным ветром. Протянул руку.

— Моё предложение всё ещё в силе. Год. Один год. Ты — моя жена. Я плачу долг. Твой отец свободен. Вейн остаётся ни с чем. Через год ты решаешь, хочешь ли остаться. Я не буду тебя удерживать.

Она смотрела на его ладонь. Большую. Мозолистую. Покрытую шрамами. Ладонь, которая держала меч и отнимала жизни. Ладонь, которая теперь ждала её пожатия.

— У меня будут условия, — сказала она.

— Я слушаю.

— Отдельный шатёр. Или хотя бы отдельная постель. Ты не прикасаешься ко мне без моего согласия. Никогда.

— Согласен.

— Я сохраняю свободу передвижения. Я могу уходить и приходить когда захочу. Я не пленница.

— Согласен.

— Если я захочу уйти раньше, чем через год — ты отпустишь меня. Без долгов. Без обязательств.

— Согласен. Но с одним условием.

Она насторожилась.

— Ты дашь мне шанс, — сказал он. — Шанс доказать тебе, что я — не Вейн. Что я не покупаю тебя. Что ты можешь мне доверять. Это всё, о чём я прошу. Шанс.

Она долго смотрела ему в глаза. А потом вложила свою ладонь в его.

— Договорились, — сказала она. — Но запомни, варвар. Ты только что заключил сделку с женщиной, которая сбивает цену втрое. Если ты думаешь, что получил меня за четыреста золотых — ты глубоко ошибаешься. Ты даже не представляешь, во сколько я тебе обойдусь.

Его пальцы сомкнулись вокруг её руки — тёплые, сухие, удивительно осторожные.

— Я рассчитываю на это, — сказал он.

Глава 2. Шакал и волк

До окончательного срока оставалось два дня, когда Каллиста узнала, что такое настоящий страх.

Не тот страх, который она испытывала на рынке, глядя в глаза Ясту — холодный, будоражащий, почти приятный. Не тот, что грыз её последние три недели, пока она бегала по городу в поисках денег — тупой, фоновый, как зубная боль. А настоящий, животный, леденящий кровь ужас, который сжимает горло и не даёт дышать.

Лорд Вейн не стал ждать.

Он встретил её на улице. Не в доме — на улице, среди бела дня, когда она возвращалась с очередных бесплодных переговоров с кредиторами. Шла по Рыночной площади, усталая, с Маркусом, который тащил за ней сумку с бумагами, и Гертом, который, как всегда, молчаливой тенью следовал позади. Она думала о цифрах — двухстах двадцати трёх золотых, собранных ценой невероятных усилий, и ста семидесяти семи, которых не было и не предвиделось, — когда дорогу ей преградили трое.

Стражники в полном имперском доспехе. С алебардами. С неподвижными лицами, на которых читался приказ.

— Госпожа Каллиста, — сказал один из них, и это был не вопрос. — Лорд Вейн желает говорить с вами.

Она остановилась. Сердце пропустило удар, но она не подала виду. За её спиной Герт положил руку на меч.

— У меня нет желания говорить с лордом Вейном, — ответила она. — Если ему что-то нужно, пусть приходит в дом моего отца. Как положено.

— Боюсь, это не просьба.

Толпа на площади расступилась, и она увидела его. Вейн вышел из-за угла меняльной конторы, неспешно, вальяжно, в своём алом плаще, который развевался на ветру, как знамя хищника. За ним следовали секретарь с неизменной крысиной улыбкой и маг — настоящий имперский маг в серой мантии с рунной вышивкой, которого Каллиста видела только однажды, на приёме у губернатора. Маг стоял дороже, чем весь её дом. Вейн не просто хотел поговорить. Он хотел, чтобы все видели: сопротивление бесполезно.

— Госпожа Каллиста! — Вейн развёл руками, словно приветствовал старую подругу. — Какая удача. Я как раз думал о вас. Вы прекрасно выглядите. Устали, но прекрасны. Дела, должно быть, идут не очень?

— Лорд Вейн. — Она не поклонилась. — Срок выплаты — послезавтра. У вас нет причин для разговора со мной.

— Ах, сроки. — Он подошёл ближе, и толпа вокруг них стала редеть. Никто не хотел стоять рядом с магистром города, когда тот говорил таким тоном. — Сроки — такая скучная вещь. Я решил, что мы можем... ускорить процесс. Зачем ждать послезавтра, если исход уже ясен?

— Исход не ясен. У меня есть деньги. Часть суммы. Я собрала двести двадцать три золотых.

— Двести двадцать три? Похвально. Правда, похвально. Я слышал, вы обошли весь город. Унижались перед кредиторами. Закладывали драгоценности. Даже дом пытались продать. Какая настойчивость.

Он произносил слова «унижались» и «закладывали» с особым смаком, растягивая их, как леденец.

— Но двести двадцать три — это не четыреста, — продолжил он. — Где остальное?

— У меня есть ещё два дня.

— Два дня ничего не изменят, дорогая. Вы это знаете. Я это знаю. — Он шагнул ближе, и Каллиста заставила себя не отступить. — Вы проиграли, госпожа Каллиста. Вы проиграли в ту самую минуту, когда отказали мне год назад. Я долго ждал. Я терпел. Я наблюдал, как ваш отец залезает в долги. Я даже помог ему — дал деньги, которые он так жадно схватил. И всё ради этого момента.

— Вы признаётесь в том, что подстроили разорение моего отца? Прилюдно?

— Я признаюсь в том, что поймал глупца на его собственную жадность. — Вейн улыбнулся шире. — Это не преступление. Это бизнес. Вы ведь понимаете, да? Вы — деловая женщина.

Герт шагнул вперёд, заслоняя её плечом.

— Госпожа, — сказал он тихо, — позвольте мне...

— Нет, — отрезала она. — Не вмешивайся.

Вейн перевёл взгляд на охранника, и его улыбка стала презрительной.

— Пёс защищает хозяйку? Тронь меня, и я упеку тебя в долговую тюрьму до конца твоих дней. А ты, — он снова посмотрел на Каллисту, — ты ведь понимаешь, что проиграла. Я предлагаю компромисс. Ты едешь со мной. Сейчас. Сегодня. Свадьба — через три дня. Долг прощён. Твой отец остаётся в доме. Ты становишься госпожой Вейн, четвёртой женой магистра Асмарана. Это не так уж плохо. У тебя будут наряды, слуги, положение в обществе. Всё, что пожелаешь.

— Всё, кроме свободы.

— Свобода переоценена. — Он протянул руку и коснулся её подбородка. — Особенно для женщин с таким острым языком, как у тебя.

Она ударила его.

Звонкая пощёчина разнеслась по площади. Голова Вейна дёрнулась, на бледной щеке расцвёл красный след. Стражники схватились за алебарды. Маг вскинул руку. Толпа ахнула и подалась назад.

Вейн замер. Медленно повернул голову обратно. Улыбка исчезла с его лица.

— Ты, — прошептал он, и голос его был полон яда, — ты только что совершила большую ошибку, маленькая дрянь. Я хотел быть добрым. Я хотел, чтобы всё было цивилизованно. Но теперь...

— Теперь ты уберёшься с этой площади, — раздался голос позади неё. — Или я вышвырну тебя сам.

Вейн осёкся. Каллиста обернулась.

Яст.

Он стоял в десяти шагах, и толпа расступалась перед ним, как вода перед носом корабля. Огромный, в дорожном плаще из волчьей шкуры, с мечом за спиной и тремя воинами по бокам. Он не выглядел удивлённым. Он выглядел так, словно шёл сюда с определённой целью — и этой целью была она.

И вдруг всё встало на свои места. Он пришёл не случайно. Он пришёл, потому что знал. Знал, что сегодня последний день, когда она ещё пытается бороться в одиночку. Знал, что Вейн не утерпит и явится за ней раньше срока. Знал, что она окажется здесь, на площади, загнанная в угол. И он пришёл. Не для того, чтобы спасти её — она бы не приняла спасения. А для того, чтобы дать ей выбор. Настоящий выбор.

— Яст Кхар-Тора, — голос Вейна дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — Какая... неожиданная встреча. Что вождь степных кланов делает на рыночной площади Асмарана?

— Искал женщину, которая только что ударила магистра города. — Яст подошёл ближе, и Каллиста заметила, что он смотрит на неё с каким-то странным выражением. Не с жалостью. Не с триумфом. С... уважением? — Кажется, я её нашёл.

— Эта женщина, — процедил Вейн, потирая щёку, — является предметом долгового обязательства её отца передо мной. Она отправится со мной.

— Нет, — сказал Яст.

— Простите?

— Я сказал — нет. — Он остановился в двух шагах от Вейна, и разница в их росте стала очевидной. Магистр города доставал варвару едва до плеча. — Она никуда с вами не отправится.

— Это решаю не вы, — Вейн повернулся к магу. — Лорд Орвин, будьте добры...

Маг поднял руку. В воздухе запахло озоном, вокруг его пальцев заискрились руны. Каллиста затаила дыхание.

Но Яст не шелохнулся. Он повернул голову и посмотрел на мага — только посмотрел, без угрозы, без гримасы, просто посмотрел. И маг замер.

— Ты знаешь, кто я, — сказал Яст тихо. — Ты знаешь, что я сделал с Двенадцатым легионом. Ты знаешь, что у меня в степи есть шаманы, которым твоя рунная магия — что детская игрушка. Ты знаешь, что если ты сейчас произнесёшь хоть одно заклинание, я убью тебя раньше, чем ты закончишь. Просто ударом кулака. Потому что ты стоишь слишком близко.

Маг побледнел. Искры вокруг его пальцев погасли.

— Я... я всего лишь выполняю приказ, — пробормотал он.

— Выполни другой приказ. Стой и молчи. Это безопаснее.

Маг опустил руку и отступил на шаг. Вейн бросил на него яростный взгляд, но ничего не сказал.

— Теперь ты, — Яст повернулся к Вейну. — Четыреста золотых. Это сумма долга, верно?

— Плюс проценты, — Вейн попытался вернуть себе самообладание. — За три недели просрочки набежало ещё пятьдесят. Итого четыреста пятьдесят.

— Процентов нет. Ты сам продлил срок. Твой секретарь приносил бумагу. Срок истекает послезавтра.

— Бумага была жестом доброй воли...

— Бумага была попыткой продлить её мучения. Мы оба это знаем. — Яст сунул руку за пазуху и достал кожаный кошель. Тяжёлый. Очень тяжёлый. — Здесь двести золотых.

Он бросил кошель на землю к ногам Вейна. Тот глухо звякнул.

— Асгар. Остальное.

Один из его воинов шагнул вперёд и бросил второй такой же кошель. Четыреста золотых. Ровно.

Вейн смотрел на деньги. Каллиста видела, как работает его разум — быстро, лихорадочно. Он приехал не за деньгами. Он приехал за ней. За мстостью. За унижением. Золото было лишь предлогом.

— Я не приму, — сказал он наконец.

— Что? — Каллиста шагнула вперёд. — Вы не можете не принять! Это долг, вот деньги! Сделка закрыта!

— Сделка, — Вейн снова улыбнулся, и улыбка была гадкой, — это то, о чём договариваются две стороны. Я не договаривался с Ястом Кхар-Тора. Я договаривался с Ливием. И в договоре ясно сказано: в случае невыплаты долга в срок залогом выступает его дочь. Деньги меня больше не интересуют.

— Это незаконно, — сказала Каллиста, хотя знала, что он прав.

— Это моё право кредитора. Отказаться от денежного возмещения в пользу залога. Пункт девятый, подпункт третий. Проверьте договор.

Каллиста знала этот пункт. Она выучила договор наизусть за последние три недели. И знала, что формально Вейн мог отказаться от денег и потребовать залог. Это был хищнический пункт, почти никогда не применявшийся, но он существовал.

Яст не изменился в лице. Он стоял, глядя на Вейна, и молчал. Долго. Слишком долго. А потом вздохнул — почти печально.

— Я надеялся, что до этого не дойдёт, — сказал он. — Деньги — это чисто. Деньги закрывают сделку, и мы расходимся. Никто никому ничего не должен. Но ты не хочешь денег. Ты хочешь её.

Он повернулся к Асгару.

— Принеси то, что мы нашли.

Асгар кивнул и исчез в толпе. Через минуту он вернулся с мешком — грязным, рваным, с бурыми пятнами, похожими на засохшую кровь. И со свитком пергамента, скреплённым печатью.

— Три недели назад, — сказал Яст, беря свиток, — караван Ливия исчез в степи. Караван, который должны были охранять мои люди. Но мои люди предали меня. Они заключили сделку с неизвестным заказчиком: товар — себе, караванщиков — убить, чтобы не оставлять свидетелей.

Он развернул свиток.

— Я нашёл их. Троих. В южных предгорьях. Они пытались продать шёлк Ливия, но запутались в показаниях. Пришлось... поговорить с ними.

Каллиста увидела, как Вейн побледнел. Совсем чуть-чуть. Но она заметила. Она всегда замечала такие вещи.

— Они рассказали много интересного, — продолжил Яст. — Например, что заказчик заплатил им пятьдесят золотых авансом. Имперским золотом, кстати. Из казны магистрата. И что в случае успеха обещал ещё сто. Что он велел им убить всех, включая охрану, и замести следы. Что его имя...

— Это ложь, — перебил Вейн. — Вы не можете верить предателям и убийцам.

— ...его имя — лорд Вейн, магистр Асмарана, — закончил Яст, не обращая внимания на его слова. — У меня есть их показания. Заверенные шаманом клана, что по имперским законам приравнивается к показаниям под присягой. У меня есть мешок с товаром — вот он, с клеймом гильдии её отца. И у меня есть имперское золото из казны магистрата, которым заплатили предателям.

Он бросил свиток на землю, к кошелькам.

— Итак, лорд Вейн. Ты говоришь об имперском праве. Давай поговорим о нём. Статья четвёртая имперского уложения о торговле: «Лицо, умышленно причинившее ущерб торговому каравану, повлекший гибель людей, карается смертной казнью с конфискацией имущества». Статья седьмая: «Должник освобождается от обязательств, если кредитор признан виновным в умышленном создании условий, приведших к невозможности выплаты долга».

Тишина.

Оглушительная, звенящая тишина. Даже уличный шум, кажется, стих. Торговцы на площади замерли. Прохожие остановились. Все смотрели на них.

Вейн молчал. Его лицо превратилось в маску — белую, неподвижную, неестественную. Только глаза жили — металась между Ястом, Каллистой и свитком на земле.

— Это блеф, — сказал он наконец.

— Проверим? — Яст пожал плечами. — Я могу прямо сейчас отправить гонца к имперскому наместнику. Копии показаний, мешок с товаром, золото из твоей казны. К утру здесь будет имперский следователь. К обеду — легионеры. К вечеру — твоя голова на пике перед воротами Асмарана. Я знаю наместника. Он меня не любит, но справедливость любит. А главное — он давно ищет повод сместить тебя. Ты слишком много украл, Вейн. Даже по имперским меркам.

Вейн облизал губы. Сухие, потрескавшиеся. Каллиста впервые видела его таким — загнанным в угол. И это зрелище было слаще, чем всё золото, которое она когда-либо держала в руках.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Очень простую вещь. — Яст подошёл к нему вплотную. Теперь они стояли лицом к лицу, и Вейну пришлось задрать голову, чтобы встретить взгляд варвара. — Ты подпишешь бумагу о том, что долг Ливия погашен полностью и претензий к его дочери не имеешь. Ты забудешь об этом доме, об этой женщине и об её отце. И ты уйдёшь отсюда сейчас же. И никогда не вернёшься.

— А деньги? — Вейн кивнул на кошель.

— Деньги останутся у неё, — сказал Яст. — В качестве возмещения ущерба за сорванный караван, за потерянный товар и за три недели, которые она провела в унижениях по твоей милости. Ты их не получишь. Ты вообще ничего не получишь. Кроме возможности сохранить свою голову на плечах.

— Это грабёж!

— Нет, — Яст покачал головой. — Это справедливость. То самое слово, которого нет у моего народа, но которое так любят в твоей Империи. Четыреста золотых — это долг. А долг, как я уже сказал, аннулируется, если кредитор признан виновным в создании условий для его невыплаты. Я не юрист, но я консультировался. Ты проиграл, Вейн. Ты проиграл в ту самую минуту, когда нанял моих людей, чтобы они убили караванщиков. Ты оставил свидетелей. Ты оставил улики. Ты оставил след.

Он наклонился ниже, почти к самому уху Вейна, и прошептал — но Каллиста всё равно услышала:

— А если ты когда-нибудь приблизишься к ней снова — я не буду ждать имперского правосудия. Я приду за тобой ночью. Ты не услышишь моих шагов. Твоя стража не увидит меня. Твои стены не остановят меня. Ты просто исчезнешь. И никто никогда не найдёт твоего тела. Ты меня понял?

Вейн сглотнул. Кадык на его тощей шее дёрнулся.

— Понял, — выдавил он.

— Хорошо. Тогда подписывай. У меня есть договор о погашении долга. И отдельно — бумага о том, что ты передаёшь четыреста золотых в пользу госпожи Каллисты в качестве добровольного возмещения убытков. Подпишешь обе.

— Добровольного?! — взвился Вейн.

— Абсолютно добровольного. — Яст улыбнулся, и от этой улыбки у Вейна, кажется, кровь застыла в жилах. — Или альтернатива — имперский суд. Выбирай.

Вейн выбрал.

Он подписал обе бумаги дрожащей рукой. Секретарь поставил печать. Асгар забрал документы и спрятал их за пазуху. Золото — четыреста монет в двух кожаных кошелях — осталось лежать на земле, ничьё, пока Каллиста не кивнула Маркусу, и тот, робея, подобрал их.

— А теперь убирайся, — сказал Яст.

Вейн ушёл. Он не бежал — но шёл быстрее, чем обычно, и его алый плащ мелькнул в толпе, как язык пламени, задутый ветром. Стражники потянулись за ним. Секретарь — следом. Маг ушёл последним, бросив на Яста взгляд, в котором смешались страх и ненависть.

Толпа на площади медленно начала возвращаться к жизни. Загудели голоса. Заскрипели телеги. Кто-то захлопал — тихо, неуверенно, но хлопал.

Каллиста стояла посреди площади, глядя на Маркуса, который прижимал к груди два кошелька с золотом, как младенцев. Она только что стала на четыреста золотых богаче. И одновременно — должна год своей жизни человеку, который только что растоптал самого могущественного человека в городе.

— Ты знал, — сказала она, не оборачиваясь к Ясту. — Ты всё это время знал, что Вейн заказал караван. У тебя были доказательства. Ты мог предъявить их ещё три недели назад.

— Мог, — согласился он.

— Почему не предъявил?

Он помолчал. Ветер трепал его волчий плащ.

— Потому что если бы я предъявил их три недели назад, Вейна казнили бы, а ты осталась бы в Асмаране. Свободная. Богатая. Независимая. И ты никогда не согласилась бы стать моей женой.

Она резко обернулась.

— То есть ты... ты позволил мне мучиться три недели? Унижаться? Закладывать драгоценности? Бегать по кредиторам? Ты смотрел на это — и ждал? Чтобы я сломалась и пришла к тебе?

— Я ждал, чтобы ты поняла. — Его голос был тихим, но твёрдым. — Я не Вейн. Я не беру силой. Ты должна была принять решение сама. Без принуждения. Без угроз. Когда ты вошла в таверну позавчера вечером, ты пришла ко мне не потому, что у тебя не было выбора. Ты пришла, потому что ты выбрала меня.

— Это нечестно.

— Это жизнь. Я не говорил, что играю честно. Я говорил, что дам тебе шанс. Шанс — это не гарантия. Шанс — это возможность. Ты её получила.

Она смотрела на него и не знала, что чувствует. Гнев? Облегчение? Благодарность? Обиду? Всё смешалось в груди, горячее и острое.

— Ты манипулятор, — сказала она наконец.

— Я вождь, — ответил он. — Манипуляция — часть моей работы.

— И ты признаёшься в этом?

— Я же обещал тебе правду. — Он криво усмехнулся. — Не всю сразу. Но обещал.

Каллиста покачала головой. Потом — сама не зная почему — коротко, нервно рассмеялась.

— Ты невыносим, — сказала она.

— Знаю.

— И ты думаешь, что победил.

— Разве нет?

Она посмотрела на бумаги в руках Асгара. На мешки с золотом, которые прижимал к груди Маркус. На удаляющийся алый плащ Вейна, который уже почти скрылся в переулке. На всё, что только что произошло.

— Ты победил Вейна, — сказала она. — Но не меня.

— Я и не пытался тебя победить, Каллиста. Я пытался тебя завоевать. Это разные вещи.

Он повернулся к ней полностью, и теперь они стояли лицом к лицу — посреди площади, на виду у десятков людей. Он возвышался над ней, но она не чувствовала себя маленькой. Она чувствовала себя... равной.

— Ты согласилась на сделку, — сказал он. — Там, в таверне. Год. Ты и я. Ты не передумала?

Она посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали.

— Я никогда не передумываю, — сказала она. — Если я заключила сделку, я её исполню.

— Хорошо. Тогда завтра на рассвете мы выезжаем. Степь ждёт.

Он развернулся и пошёл прочь. Его воины двинулись за ним — молчаливые, огромные, чужие. Через минуту они растворились в толпе, и Каллиста осталась на площади с Гертом, Маркусом и четырьмястами золотых.

— Госпожа, — Маркус откашлялся. — А что... что нам делать с деньгами?

Она посмотрела на кошель. Четыреста золотых. Целое состояние. Её состояние. Не отцовское. Не Вейна. Её.

— Положишь в сейф, — сказала она. — Они мои. Я их заработала.

— Но как же?... — Маркус осёкся под её взглядом.

— Я три недели бегала по городу. Унижалась. Продавала. Считала каждую монету. И я бы собрала эти четыреста, если бы Вейн не душил меня своей властью. Так что да, Маркус. Я их заработала. Каждую.

И это была правда. Может быть, не буквальная — деньги принёс Яст. Но право на них она выстрадала.

— А ты, — она повернулась к Герту, — ты сегодня чуть не бросился на магистра города с мечом. Ты понимаешь, что тебя могли убить?

— Понимаю, — сказал он. — Но я не мог стоять и смотреть.

— Я ценю это. — Она помолчала. — Когда я уеду в степь, ты останешься здесь. Будешь охранять отца. Он беззащитен.

— Госпожа, я...

— Это не просьба. Это приказ. Ты нужен ему больше, чем мне. Там, в степи, меня будет охранять Яст. А здесь... — она вздохнула, — здесь за отцом нужно присматривать. Он глуп, но он мой отец.

Герт кивнул. В его глазах стояло что-то, похожее на слёзы, но Каллиста сделала вид, что не заметила.

— Идём домой, — сказала она. — Завтра у меня долгая дорога.

Вечером, когда она складывала вещи в дорожный сундук, в дверь постучали. Это был отец.

Он стоял на пороге её комнаты — постаревший, сгорбленный, с красными от бессонницы глазами. Он не заходил внутрь. Просто стоял и смотрел, как она складывает платье.

— Я слышал, что случилось на площади, — сказал он. — Мне рассказали. Ты... ты ударила его.

— Ударила.

— При всех.

— При всех.

— И этот варвар... он мог уничтожить Вейна. У него были все доказательства. Но он не стал. Он просто... отдал ему деньги?

— Он не отдал ему деньги, папа. Он отдал их мне. А Вейну оставил страх. Это хуже, чем суд. Теперь Вейн будет бояться каждого шороха. Бояться, что доказательства где-то есть и могут всплыть в любой момент. Бояться его.

— Его? — Ливий покачал головой. — Или тебя?

Каллиста замерла на мгновение. Потом закрыла крышку сундука.

— Наверное, нас обоих, — сказала она. — Так даже лучше.

Ливий помолчал.

— Я должен тебе кое-что сказать, — начал он.

— Не надо.

— Нет, послушай. — Он переступил порог, впервые за долгое время. — Я знаю, что я всё испортил. Я знаю, что ты не простила меня. И я не прошу прощения. Но я хочу, чтобы ты знала: я горжусь тобой. Ты сделала то, чего не смог сделать я. Ты не сдалась. Ты боролась. И даже когда проиграла — ты ударила его. При всех. Ударила магистра города.

— Это была глупость, — сказала она. — Он мог приказать страже схватить меня.

— Но он не успел. Потому что пришёл этот варвар. — Ливий покачал головой. — Я не знаю, что между вами. Я не знаю, любишь ли ты его. Но он... он смотрит на тебя не так, как Вейн. Совсем не так.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому я и еду.

Отец шагнул к ней, и она позволила ему обнять себя. Неловко, скованно — они никогда не были близки по-настоящему. Но сейчас это было нужно им обоим.

— Возвращайся, — прошептал он. — Через год. Возвращайся.

— Я вернусь, — сказала она. — Если захочу.

И это была правда. Впервые за три недели она говорила о будущем, в котором у неё был выбор. И от этого на душе становилось легче.

Глава 3. Чужая земля

Дорога заняла четыре дня.

Каллиста считала их. Не потому, что ей было скучно — ей было страшно. А страх она всегда заглушала цифрами. Четыре дня. Девяносто шесть часов. Три остановки на ночлег. Двадцать три степные птицы, которых она насчитала в небе. Сто сорок семь всадников эскорта — она пересчитывала их каждое утро, сверяя с вечерним списком. И один варвар, который ехал впереди на сером жеребце и ни разу не обернулся.

Впрочем, она знала, что это неправда. Он оборачивался. Просто делал это незаметно — когда думал, что она не видит. Но она видела. Она всегда всё видела.

На четвёртый день степь перестала быть просто пейзажем и стала реальностью. Повозка взобралась на пологий холм, и Каллиста, откинув полог, увидела то, что заставило её забыть обо всех цифрах сразу.

В долине, насколько хватало глаз, раскинулось стойбище. Нет, не стойбище — настоящий степной город. Сотни шатров — не маленьких походных палаток, а огромных, круглых, крытых войлоком и шкурами, с дымящимися отверстиями вверху. Между ними двигались люди, телеги, всадники. Горели костры — десятки, может быть, сотни костров, и их дым поднимался в небо, сливаясь в единое облако. Пахло мясом, лошадьми, дымом и чем-то пряным, незнакомым. Где-то играла музыка — низкая, гортанная, с ритмом, похожим на биение огромного сердца.

— Кхар-Тора, — раздался голос рядом.

Каллиста вздрогнула. Яст подъехал к повозке неслышно — для человека таких габаритов он двигался устрашающе тихо.

— Мой дом, — сказал он. — Теперь — и твой тоже.

Она посмотрела на него. В седле, на фоне бескрайней степи и этого огромного живого города внизу, он казался не просто вождём — он казался частью этого мира. Дикого. Чужого. Пугающего.

— Я думала, здесь будет... меньше, — сказала она.

— Меньше?

— Меньше всего. Меньше людей. Меньше шатров. Меньше... — она запнулась, подбирая слово, — ...цивилизации.

Яст усмехнулся.

— Ты думала, мы живём в землянках и едим сырое мясо?

— Что-то вроде того.

— Мы едим сырое мясо только по праздникам, — сказал он абсолютно серьёзным тоном, и Каллиста не сразу поняла, шутит он или нет. А когда поняла — он уже тронул коня и поехал вперёд, оставив её гадать.

— Это была шутка? — крикнула она ему вслед.

Он не обернулся. Но она готова была поклясться, что его плечи чуть дрогнули от смеха.

Они въехали в стойбище, и Каллиста сразу почувствовала на себе взгляды.

Сотни глаз. Мужчины, женщины, дети, старики — все смотрели на неё. Она сидела в повозке, прямая как струна, в своём дорожном плаще — синем, с серебряной фибулой в виде весов, — и чувствовала себя иноземным зверем в зверинце. Чужая. Белая ворона. Городская.

Но страха не было. Она давно привыкла к взглядам. На рынке Асмарана на неё тоже смотрели — с удивлением, с опаской, с жадностью. Она знала, как держать спину. Как смотреть в ответ, не опуская глаз. Как отвечать на незаданные вопросы.

— Они смотрят на меня как на диковинку, — сказала она, не поворачивая головы.

— Ты и есть диковинка, — ответил Яст. — Женщина из Империи, которая выходит замуж за степного вождя. Такое бывает раз в сто лет.

— Я не выхожу замуж. Я заключаю сделку.

— Для них это одно и то же.

Она хотела возразить, но не успела — повозка остановилась перед огромным шатром в центре стойбища. Он был вдвое больше остальных — настоящий дворец из войлока и дерева, с резными столбами у входа и знаменем, треплющимся на ветру. На знамени был изображён волк, пронзённый стрелой, — но живой, бегущий.

— Шатёр вождя, — сказал Яст, спешиваясь. — Наш шатёр. По крайней мере, на этот год.

Каллиста спустилась с повозки. Ноги затекли после долгой дороги, но она не подала виду. Расправила плечи, поправила складки плаща и шагнула к входу — но Яст остановил её.

— Подожди.

Она обернулась.

— Прежде чем ты войдёшь, ты должна кое-что знать. У нас есть обычай. Когда новый человек входит в шатёр вождя впервые, он должен принести дар духам очага.

— Дар? — она приподняла бровь. — Какой?

— Что-то ценное. Для тебя. Это может быть горсть зерна. Глоток вина. Прядь волос. Что угодно, что имеет значение. Иначе духи очага не примут тебя.

— И что будет, если духи не примут?

— Тогда этот шатёр никогда не станет твоим домом. Ты будешь в нём гостьей. Чужой.
— Он помолчал. — Я не хочу, чтобы ты была чужой, Каллиста.

Она посмотрела ему в глаза. В сотый раз за эти дни она попыталась найти в них ложь, корысть, скрытый мотив. И в сотый раз не нашла.

— Что ты принёс, когда впервые вошёл? — спросила она.

— Я не входил. Я родился в этом шатре. Он принял меня с первым криком.

Каллиста задумалась. Дар духам. Что-то ценное. Что у неё есть ценного? Драгоценности остались в Асмаране. Деньги — там же. Книга? Она взяла с собой трактат по математике, но расстаться с ним навсегда...

Она придумала.

Достала из складок плаща маленький нож, который всегда носила с собой — не для защиты, для бумаг, но сталь была острой. Сжала левую ладонь, провела лезвием по кончику безымянного пальца. Выступила капля крови — алая, круглая, как рубин.

— Что ты делаешь? — Яст дёрнулся было остановить её, но она уже прижала палец к деревянному косяку входа, оставляя крошечное кровавое пятно.

— Я даю духам то, что течёт во мне сейчас, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Я не родилась в этом шатре и не давала жизнь под этой крышей. Но моя кровь — это моя жизнь. Примите меня — или не принимайте. Но я не приду с пустыми руками.

Яст долго смотрел на неё. Потом на кровавый след на косяке. Потом снова на неё.

— Ты сумасшедшая, — сказал он. Но в его голосе не было осуждения. Было что-то другое. Удивление? Уважение? Восхищение?

— Я знаю, — ответила она. — Я могу войти?

Он посторонился, пропуская её внутрь.

Внутри шатёр оказался совсем не таким, как она ожидала.

Никакой грязи, никаких шкур на полу, никакого дыма, выедающего глаза. Пол устлали толстые ковры — выцветшие, старые, но искусной работы, с узорами, напоминавшими степные травы и бегущих волков. Стены были завешаны гобеленами с изображениями битв, охоты, каких-то мифических зверей. В центре горел очаг — настоящий, каменный, и дым уходил в отверстие в крыше, не задерживаясь внутри. Вокруг очага лежали подушки, стояли низкие столики, сундуки. В углу Каллиста заметила стойку с оружием — мечи, луки, копье с почерневшим от крови древком. А рядом — книги. Несколько свитков и три или четыре тома в кожаных переплётах.

Она подошла ближе. Провела пальцами по корешкам. Имперские буквы. Трактат по военной тактике. История Империи. Сборник законов.

— Ты читаешь? — спросила она, не скрывая удивления.

— Ты думала, я не умею?

Она обернулась. Яст стоял у очага, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с той же странной полуулыбкой.

— Я читаю на трёх языках, — сказал он. — Говорю на пяти. Мой отец считал, что вождь должен знать язык врагов. Он нанял пленного имперского писца, чтобы тот учил меня. Писец оказался нукудышным воином, но хорошим учителем.

Каллиста взяла в руки трактат по тактике. Пролистала. На полях были пометки — корявым, но твёрдым почерком.

— Это твои заметки?

— Мои. Я изучал эту книгу перед битвой с Двенадцатым легионом. И знаешь, что я понял?

— Что?

— Что имперские генералы воюют по правилам. А правила можно прочитать. И использовать против них.

Каллиста захлопнула книгу и посмотрела на него.

— Ты не такой, каким кажешься, — сказала она.

— Ты тоже.

Они стояли друг напротив друга — она с книгой в руках, он у очага, — и в воздухе между ними повисло что-то новое. Не напряжение. Не враждебность. Что-то похожее на... узнавание. Как будто два человека, говорившие на разных языках, вдруг обнаружили, что знают одно и то же слово.

— Мне нужно идти, — сказал Яст. — Старейшины ждут. Я должен представить тебя клану. Но сначала... — он подошёл к сундуку и достал что-то, завернутое в мягкую кожу. — Это тебе.

Она развернула свёрток. Внутри оказался пояс — широкий, из тёмной кожи, с серебряными бляшками и ножнами для маленького ножа.

— Это символ, — сказал Яст. — Пояс замужней женщины. Вдова носит белый пояс. Девушка — красный. Замужняя — чёрный с серебром. Надень его, когда пойдёшь к старейшинам.

— Я ещё не замужем.

— По имперским законам — нет. По степным — мы поженимся через несколько дней. Но для клана ты уже моя невеста. И этот пояс защитит тебя.

— Защитит?

— Никто не посмеет оскорбить женщину, которая носит пояс вождя.

Каллиста провела пальцами по серебряным бляшкам. Они были холодными, гладкими, с выгравированным узором — тот же волк, пронзённый стрелой, но бегущий.

— Это очень... — она запнулась, подбирая слово, — ...красиво.

— Это принадлежало моей матери. Она была чужачкой, как и ты. Из горного племени. Когда она вышла замуж за моего отца, клан принял её не сразу. Этот пояс был её щитом. Теперь он твой.

Каллиста подняла на него глаза.

— Ты отдаёшь мне пояс своей матери?

— Да.

— Почему?

Он шагнул ближе. Теперь между ними было всего два шага.

— Потому что ты не просто сделка, Каллиста. Ты — моя невеста. И я хочу, чтобы клан видел это.

Она не нашлась с ответом. Просто стояла, сжимая в руках пояс, и чувствовала, как внутри неё что-то трескается — та самая стена, которую она строила годами. Тонкая трещина. Но достаточная, чтобы впустить свет.

— Я надену его, — сказала она.

Он кивнул и вышел из шатра.

Старейшины собрались в шатре совета — большом, круглом, с костром в центре. Их было семеро — семеро стариков с обветренными лицами и глазами, видевшими слишком много. Каллиста вошла вслед за Ястом, и все взгляды скрестились на ней.

Она была готова к враждебности. Но то, что она увидела, было хуже. Это было не презрение. Это было... неприятие. Глухое, глубинное, как стена крепости. Она была чужой. И они не хотели её здесь видеть.

— Это она? — спросил один из старейшин, высокий, с крючковатым носом и седыми косицами. — Та самая женщина из Империи?

— Каллиста, дочь Ливия, — сказал Яст. — Моя невеста.

— Мы слышали, — прокрипел другой старик. — Слышали, что ты заключил сделку. Выкупил её за четыреста золотых. Как овцу на базаре.

Каллиста стиснула зубы. Яст положил руку ей на плечо — предупреждающе.

— Я выкупил её долг, — сказал он. — Это другое.

— Другое? — раздался женский голос.

Каллиста повернулась. В углу шатра, отдельно от старейшин, сидела женщина. Старая, сгорбленная, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дерева. Её глаза — тёмные, глубокие — смотрели на Каллисту с такой силой, что у той перехватило дыхание.

— Ты выкупил её, — продолжала женщина, и её голос был сухим, как шелест мёртвой травы. — Ты привёз её в наш дом. Ты хочешь сделать её женой вождя. А она даже не знает наших законов.

— Саргана, — сказал Яст, и в его голосе прозвучало предупреждение. — Она узнает.

Саргана. Та самая вдова прежнего шамана, о которой упоминал Яст. Хранительница традиций. Главная блюстительница законов. И, судя по взгляду, — главная противница Каллисты.

— Узнает? — Саргана поднялась. — Она узнает Круг Огня? Она знает, что должна будет сказать три правды перед всем кланом? Что её слова услышат предки? Что если она солжёт — пламя погаснет, и брак будет расторгнут?

— Я знаю, — сказала Каллиста.

Голоса в шатре стихли. Саргана медленно повернулась к ней.

— Что ты знаешь?

— Я знаю, что будет обряд. Круг Огня. Яст рассказал мне.

— Рассказал? — Саргана усмехнулась. — И ты готова? Ты готова сказать три правды? Ты, женщина из Империи, где ложь — это валюта?

Каллиста выдержала её взгляд.

— Я готова.

— Посмотрим. — Саргана перевела взгляд на Яста. — А ты рассказал ей всё? Рассказал, что в конце обряда вы должны разделить дыхание?

Каллиста нахмурилась.

— Разделить дыхание? Что это значит?

Саргана улыбнулась — тонко, ядовито.

— Поцелуй, девочка. В Кругу Огня жених и невеста должны разделить дыхание. Поцеловаться. При всех.

Каллиста замерла. Поцелуй. При всех. При старейшинах. При воинах. При этой старой ведьме, которая смотрит на неё так, будто уже знает, что она провалится.

Она повернулась к Ясту.

— Ты не сказал мне о поцелуе.

— Я собирался...

— Когда? После обряда? Когда я уже стояла бы в Кругу и не могла отказаться?

Глаза старейшин перебегали с неё на Яста и обратно. Они наслаждались этим. Ссора между вождём и его невестой — лучшее развлечение за долгое время.

— Каллиста, — начал Яст, но она не дала ему договорить.

— Ты сказал, что обряд — это три правды. Ты не сказал, что я должна буду целовать тебя при всём клане.

— Это часть традиции.

— Мне всё равно, часть ли это традиции! Ты должен был предупредить меня!

— Ты бы отказалась.

— Конечно, я бы отказалась! Я не целуюсь на публику!

Они стояли друг напротив друга — она с горящими глазами, он с каменным лицом, — и воздух между ними искрил.

— Ты можешь отказаться сейчас, — тихо сказала Саргана. — Уйти. Вернуться в свой город. Никто тебя не держит.

Каллиста перевела взгляд на старуху. И вдруг поняла: это ловушка. Саргана ждёт, что она уйдёт. Что она покажет свою слабость. Что она подтвердит всё, что они думают о женщинах из Империи.

— Я не откажусь, — сказала Каллиста.

Саргана приподняла бровь.

— Не откажешься?

— Нет. Я пройду обряд. Я скажу три правды. Я разделю дыхание. Я сделаю всё, что требует традиция. — Она шагнула ближе к старухе. — Но не потому, что вы этого хотите. А потому что я заключила сделку. И я выполняю свои сделки. Всегда.

В шатре повисла тишина. Старейшины переглядывались. Саргана смотрела на Каллисту долгим, изучающим взглядом.

— Посмотрим, — сказала она наконец. — Посмотрим, что ты скажешь в Кругу Огня. Посмотрим, пропустят ли тебя предки. А пока... — она повернулась к Ясту, — ...пусть носит пояс. Если ты дал его ей, значит, она под твоей защитой. Но это не значит, что клан принял её.

Она развернулась и вышла из шатра. Старейшины потянулись за ней.

Каллиста и Яст остались вдвоём.

— Ты не сказал мне о поцелуе, — повторила она, когда последний старик вышел.

— Я знаю.

— Почему?

Он подошёл к ней. Близко. Слишком близко.

— Потому что если бы я сказал, ты бы мучилась три дня. Придумывала бы причины для отказа. Считала бы риски. Ты же всё считаешь.

— Это не оправдание.

— Это объяснение.

Она смотрела на него снизу вверх — он возвышался над ней, огромный, тёплый, пахнущий кожей и дымом.

— Ты боишься одного поцелуя? — спросил он тихо. — Ты, которая смотрела в глаза Вейну и не отвела взгляд? Которая ударила магистра города при всех? Ты боишься поцеловать меня?

— Я не боюсь.

— Тогда в чём дело?

Она замолчала. А что она могла сказать? Что боится не поцелуя, а того, что за ним последует? Что после поцелуя в Кругу Огня, после трёх правд, после того, как она обнажит перед ним свою душу — она уже не сможет притворяться, что это просто сделка?

— Это просто поцелуй, — сказал он, и его голос стал мягче. — Один поцелуй. Короткий. Я не буду превращать это в представление.

— Саргана будет смотреть.

— Пусть смотрит.

— И старейшины. И весь клан.

— Пусть смотрят. — Он взял её за подбородок, заставляя поднять голову. — Когда ты целуешь кого-то по-настоящему, Каллиста, ты не замечаешь зрителей. Ты замечаешь только того, кого целуешь.

Его пальцы были тёплыми на её коже. Грубыми, мозолистыми, но удивительно осторожными. Она чувствовала его дыхание. Чувствовала его близость. Чувствовала, как её сердце начинает биться быстрее — и ненавидела себя за это.

— Один поцелуй, — сказала она, отступая. — И ты не будешь...

— Я не буду превращать это в представление. Обещаю.

Она кивнула. Но где-то глубоко внутри — там, где цифры заканчивались и начиналось что-то другое, — она знала: дело не в представлении. Дело в том, что она боится этого поцелуя. Боится того, что он разрушит стену, которую она строила годами. Боится того, что после него она уже не сможет называть это сделкой.

— Я пойду, — сказала она. — Мне нужно... подготовиться.

Она вышла из шатра и почти столкнулась с Сарганой. Старуха стояла у входа — ждала её.

— Ты всё ещё здесь, — сказала Саргана.

— Как видите.

— Ты думаешь, что сможешь пройти Круг Огня?

— Я знаю, что смогу.

— Ты знаешь три правды, которые скажешь?

Каллиста замешкалась — и Саргана заметила это. Уголки её губ дрогнули.

— Ты не знаешь, — сказала она. — Ты ещё не решила, что говорить. А знаешь, что будет, если ты солжёшь в Кругу Огня?

— Пламя погаснет. Брак будет расторгнут.

— Не только. — Саргана шагнула ближе. — Если пламя гаснет — это значит, что предки отвергают брак. И отвергают невесту. Ты станешь изгнанницей. Яст не сможет защитить тебя. Ты должна будешь уйти. Одна. В степь.

Каллиста почувствовала холодок в груди.

— Я не солгу, — сказала она.

— Посмотрим. — Саргана развернулась и пошла прочь, бросив через плечо: — Завтра тебя подготовят к обряду. Женщины придут на закате. Будь готова.

Каллиста вернулась в шатёр Яста. Он был пуст — вождь остался на совете. Она села у очага и уставилась на огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.